

Горизонты будущего и грани прошлого.

I.

Въ умственномъ обиходѣ современнаго цивилизованнаго человѣчества есть не мало идей, которыя на первый взглядъ кажутся очевидными истинами, не требующими доказательства, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются наслѣдіемъ старыхъ міровоззрѣній, уже изжитыхъ.

Къ числу архаическихъ идей этого рода принадлежитъ весьма распространенное и глубоко укоренившееся въ умахъ *понятіе о будущемъ*, какъ о чемъ-то такомъ, что не можетъ быть предметомъ познанія, прогноза по указаніямъ науки, а подлежитъ совсѣмъ иному постиженію, основанному на вѣрѣ, надеждѣ и даже любви. Прошлое *изучается*, будущее *созидается*. Прошлымъ завѣдуетъ познающій разумъ, будущимъ распоряжается творческая воля, окрыленная вѣрой и мечтой. Прошлое есть фактъ, нѣчто данное, и мы можемъ изучать его, пользуясь установленными въ наукѣ методами изслѣдованія. Будущее есть нѣчто еще несуществующее, еще не ставшее фактомъ. Оно не подлежитъ научному изученію. И если оно постигается, то не научно, а религіозно или идеологически. Оттуда—уже недалеко отъ подмѣны понятія о будущемъ, какъ о закономѣрномъ всемірно-историческомъ процессѣ, понятіемъ о немъ, какъ объ идеалѣ. Идеаль можно проповѣдовать, проводить въ жизнь, осуществлять. Такимъ путемъ, будто-бы, и созидается будущее.

На крутыхъ поворотахъ исторіи это архаическое воззрѣніе, сохраненное не въ видѣ мертваго культурнаго пережитка, а въ качествѣ активнаго переживанія, пріобрѣтаетъ особое значеніе и овладѣваетъ умами съ необычной силой. Вѣра въ бу-

дущее становится въ своемъ родѣ религіозною: она порабощаетъ мысль человѣка, ослѣпляетъ умственный взоръ, направляетъ волю, гипнотизируетъ всю психику. Человѣческому произволенію, революціонному творчеству приписывается сверхъестественная мощь. Люди ждутъ чудесъ. Люди хотятъ творить чудеса. Они уже думаютъ, что творятъ ихъ, и ждутъ внезапнаго наступленія «царства правды» на землѣ...

Недавно мы это пережили, но намъ уже кажется, что это было давно. Есть доля правды въ такой иллюзіи: это было повтореніемъ того, что было давно, что бывало и въ XIX вѣкѣ, и въ XVIII в., и въ XVI в., и въ средніе вѣка, и въ древности... Это старо, какъ человѣчество, и пора бы уже мыслящей и просвѣщенной его части начать строить идею будущаго не на вѣрѣ, всегда въ этомъ случаѣ субъективной, а на объективномъ прогнозѣ, основанномъ на научномъ познаніи.

Глубокое, принципиальное стлічіе научнаго прогноза будущаго отъ другихъ, ненаучныхъ формъ его воспріятія не подлежитъ сомнѣнію. Несомнѣнно также, что наука съ ея приложеніями къ жизни (т. е. *техникою* въ обширномъ смыслѣ) таитъ въ себѣ огромную потенціальную силу творчества, освобожденіе которой приводитъ къ тому, что фантастическое и утопическое построеніе будущаго становится все болѣе ненужнымъ, а соотвѣтственные попытки его созиданія являются напрасною и убыточною тратой энергіи.

Но все это еще далеко не стало прочнымъ достояніемъ мыслящей части общества. Однимъ изъ препятствій къ распространенію и упроченію этого воззрѣнія служить невыясненность основныхъ понятій тѣхъ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь: что такое *будущее*? что такое *прошлое*? что такое *настоящее*?

Само собою разумѣется, дѣло идетъ не о психологическихъ и грамматическихъ категоріяхъ времени. Дѣло идетъ о *формахъ воспріятія историческаго времени, объ ощущеніи человѣческой и соціальной измѣняемости*. Постараемся разобратъ въ этомъ вопросѣ.

2.

Это явленіе соціологическаго (точнѣе, соціально-психологическаго) порядка. Какъ все соціальное, оно подлежитъ закону

эволюции. Путь его развитія уже опредѣлился съ достаточною ясностью: первобытное человѣчество знало *только настоящее*. — это исходный пунктъ развитія; современное культурное человѣчество *уже очень мало живетъ настоящимъ* и держитъ въ сознании идею прошлаго и идею будущаго, которая, все расширяясь, стремясь свести настоящее къ минимуму, равносильному нулю, — и это — тотъ пунктъ, достиженіемъ котораго обозначилось направленіе и выяснился смыслъ пройденнаго пути развитія.

Прошлое и будущее — величины соотносительныя. Установленіе одной приводитъ къ обнаруженію другой. Въ глубокой древности предки современнаго культурнаго человѣчества, подобно нынѣшнимъ дикарямъ, не знали ни прошлаго, ни будущаго. Они ощущали только настоящее. Дикарь живетъ изодня въ день, воспринимая социальное время, какъ длящееся настоящее, какъ повтореніе все тѣхъ же переживаній. У него нѣтъ никакого интереса къ прошлому и никакого любопытства — заглянуть въ будущее. Онъ слишкомъ поглощенъ настоящимъ, слишкомъ подавленъ борьбою за существованіе въ ея элементарныхъ и грубыхъ формахъ, чтобы задумываться о прошломъ и будущемъ. У него еще нѣтъ воспоминаній, въ смыслѣ историческаго опыта, и нѣтъ мечты, этимъ опытомъ порождаемой.

Намъ чуждо и странно такое состояніе сознанія, такое ощущеніе неподвижности жизни. Культурное человѣчество давнымъ-давно привыкло къ мысли, что, *tempora mutantur et nos mutamur in illis*.

Неясные контуры прошлаго и смутныя очертанія будущаго начинаютъ вырисовываться въ сознаніи людей только на извѣстной ступени развитія, при первыхъ начаткахъ организованнаго труда. Но долго еще воспріятіе прошлаго и будущаго остается въ гораздо большей мѣрѣ явленіемъ психологическаго и грамматическаго мышленія, чѣмъ формою социального чувства и сознанія. Въ теченіе многихъ вѣковъ медленно развивавшееся человѣчество, въ своихъ отношеніяхъ къ прошлому, ограничивалось нѣсколькими смутными преданіями старины, двумя-тремя мифами о предкахъ, о „мудрецахъ“, нѣкогда жившихъ. Съ развитіемъ и осложненіемъ культуры, съ прогрессомъ мысли, этотъ матеріаль преданій обогащается, расширяется; мало-по-малу слагаются легенды о дѣяніяхъ боговъ

и героевъ, эпическія сказанія, генеалогія, космогонія. Очерчивается перспектива прошлаго, конечно, мифическаго, и это прошлое долго еще останется какъ бы проекціей настоящаго,—оно построяется по его образу и подобию. Лишь постепенно пробивается смутное представленіе о томъ, что нѣкогда, въ старину, люди жили иначе и были другими. И тутъ впервые, взлелѣянная мифомъ и религіей,—возникаетъ идеализація прошлаго,—и въ свое время это было замѣтнымъ шагомъ впередъ. Явилась легенда о золотомъ вѣкѣ, о раѣ,—человѣчество, впервые пробуя мыслить прошлое, не могло отнестись къ нему иначе, какъ мечтательно и романтически. Это означало, что наступилъ чередъ мечты, что по мѣрѣ того, какъ грани прошлаго отодвигались въ глубь временъ, начинали вырисовываться и очертанія будущаго. Возникло предчувствіе грядущихъ переменъ, и становилось возможнымъ предположеніе, что времена измѣнятся, и люди станутъ другими. Наступалъ чередъ ожиданій и предсказаній. Мифу прошлаго отвѣчалъ мифъ будущаго. За космогоніей слѣдовала эсхатологія. Возникали великія историческія религіи, въ которыхъ раскрывались человѣчеству новыя перспективы и въ прошлое и въ будущее, и которыя всегда порождались социальными кризисами, переселеніями, процессомъ образованія націй и т. д.

Прошли вѣка. Культурное человѣчество шло впередъ. Горизонты будущаго разверзались все шире, грани прошлаго отодвигались все дальше и дальше. Въ настоящее время человѣческій разумъ, вооруженный уже не мифомъ, а точной наукой, познаетъ такую даль прошлаго, о какой прежде нельзя было и думать. Раскрываются перспективы первобытнаго человѣчества, и дѣло идетъ уже объ открытіи происхожденія человѣка, о его зоологическомъ предкѣ. Грани прошлаго исчезаютъ въ глубинѣ геологическихъ эпохъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на другомъ концѣ, границы прошлаго раздвигаются и по направленію къ настоящему. Эволюція, въ формѣ историческаго прогресса, пошла ускореннымъ темпомъ, и нынѣ человѣческая и социальная измѣняемость явственно ощущается на разстояніи какихъ-нибудь двухъ-трехъ поколѣній. Для насъ не только XVIII-ый вѣкъ, но и добрая половина XIX-го—уже прошлое. Мы чувствуемъ, что измѣняемся, что движемся, и, подъ воздѣйствіемъ этого новаго чувства движенія, воспріятіе настоящаго превращается у насъ изъ постоянной ве-

личины въ перемѣнную, въ нѣчто уходящее, исчезающее, трудно-уловимое. Оно какъ бы стиснуто между гранями прошлаго, обращенными къ намъ, и ближайшими, уже видимыми горизонтами будущаго.

Съ этимъ связаны и другія перемѣны въ психикѣ человѣческой.

Для дикаря и первобытнаго человѣка будущее—только проекція настоящаго, преломленная въ вѣчномъ страхѣ, въ постоянной тревогѣ, въ пугливомъ ожиданіи всяческихъ бѣдъ и напастей, уже достаточно знакомыхъ человѣку по прошлому опыту. Этихъ страховъ мы не знаемъ, если не считать того рецидива ихъ, который обнаруживается въ эпохи кризисовъ и потрясеній, вызываемыхъ несовершенствами и варварскими сторонами современной культуры. За вычетомъ такихъ случаевъ, можно сказать, что господствующее мѣсто въ психикѣ цивилизованнаго и прогрессирующаго человѣчества занимаетъ чувство увѣренности въ прочности культурныхъ пріобрѣтеній, въ неотъемлемости завоеваній разума, въ непрерывности развитія. Страхъ и суевѣрные ожиданія вытѣснены сознаніемъ, что будущее не есть случайность, что оно закономѣрно вытекаетъ изъ прошлаго. Зная это прошлое, мы можемъ познавать и будущее. Между ними нѣтъ затаяннаго, неопредѣленно-долгаго настоящаго, которое бы ихъ раздѣляло, разрывая причинную связь вещей. Для насъ настоящее, это—только послѣднія мгновенія прошлаго, сливающіяся съ первыми проблесками будущаго, которое начинается. Настоящее есть начало будущаго.

Интересъ къ настоящему исчезаетъ. Истинный консерваторъ—типъ отживающій, архаическій. Онъ уходитъ, и его мѣсто занимаютъ съ одной стороны реакціонеры и романтики, т. е. люди прошлаго, слѣдовательно, своего рода утописты, съ другой—прогрессисты, люди будущаго, между которыми есть также своеобразные утописты.

Такъ или иначе, мы живемъ не настоящимъ, а либо прошлымъ, либо будущимъ.

Передовая часть цивилизованнаго человѣчества, рационально-мыслящая, живетъ исключительно будущимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересуется прошлымъ, какъ предметомъ изученія, какъ матеріаломъ, изслѣдованіе котораго даетъ отвѣтъ на вопросы: откуда и куда мы идемъ? какъ мы произошли и во что превращаемся?

Для наших созерцаній открыто безконечное прошлое, грани котораго сливаются съ геологической исторіей нашей планеты, да вѣчный космосъ, никакихъ граней не имѣющій.

Для нашихъ прозрѣній есть безконечное будущее, видимый горизонтъ котораго отодвигается все дальше и дальше, и эти прозрѣнія укрѣпляютъ въ насъ увѣренность въ томъ, что человечество идетъ закономѣрно впередъ—къ окончательной побѣдѣ, силою науки и техники, не только надъ природой, но и надъ самимъ собой.

3.

Мыслящему уму эти перспективы прошлаго и будущаго, какъ ближайшія, такъ и болѣе отдаленныя, безусловно необходимы,—иначе, смотря въ упоръ на настоящее, онъ рискуетъ запутаться въ его противорѣчіяхъ. Настоящее есть причудливая амальгама изъ элементовъ прошлаго и будущаго. Ихъ нельзя разсортировать иначе, какъ держа въ сознаніи научно-обоснованную картину эволюціи человечества. Если такой картины въ вашемъ распоряженіи нѣтъ, а есть, вмѣсто нея, какая-нибудь другая, мифологическая, утопическая, романтическая, то вся дѣйствительность представится вамъ въ фантастическомъ свѣтѣ. Отголоски былого вы пріймете за предвѣстіе грядущаго. То, что начинается, покажется вамъ оконченнымъ; вы станете отпѣвать живое; къ мертвецамъ вы обратитесь съ сіяющимъ лицомъ, съ добрыми пожеланіями долгой, счастливой жизни. Все переставится, передвинется и смѣшается въ бѣлесоватомъ туманѣ, и странно, необычно зазвучать въ немъ голоса жизни, сливаясь въ какое-то волшебное созвучіе диссонансовъ. Вы можете любоваться этими видѣніями и вслушиваться въ эти созвучія,—это ваше дѣло: никому не возбраняется видѣть то, чего нѣтъ, желать,—чего не бываетъ, слышать то, что молчитъ, не слышать самыхъ несомнѣнныхъ голосовъ жизни. Но знайте, что эта фантастика, не лишенная своей прелести,—коварна: она незамѣтно превратитъ васъ самихъ въ одну изъ тѣхъ уходящихъ тѣней прошлаго, которыя, прежде чѣмъ исчезнуть, озадаются заемнымъ, обманчивымъ свѣтомъ, являя грустный видъ чего-то не совсѣмъ умершаго, какой-то воображаемой жизни... Такова участь всякаго *романтизма*—въ исторіи, въ религіи, въ литературѣ, въ искусствѣ, въ жизни.

Есть много пережитковъ прошлаго. По большей части они остаются безсознательными, въ видѣ стертыхъ слѣдовъ давно угасшей жизни. Но иногда они оживаютъ, переходятъ въ сознание, и тогда люди, съ которыми это случилось, начинаютъ бредить на яву и слагаютъ новые мѣры по образу и подобию старыхъ. Разумный, научный интересъ къ прошлому, составляющій необходимую принадлежность современнаго мышленія, превращается у этихъ людей въ болѣзненное пристрастие къ старинѣ, родъ исторической ностальгіи, и они грезятъ о прошломъ, идеализируя его, влюбляются въ средніе вѣка, въ классическую древность, подражаютъ давно-отжившему, даже его внѣшнимъ формамъ, костюмамъ, нравамъ, искусству и т. д. Такъ, на склонѣ XVIII-го вѣка, въ эпоху великой революціи, реставрировали античныя понятія, доблести, термины. Въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го воскрешали и воспѣвали средніе вѣка и средневѣковой католицизмъ. Съ конца XIX-го вѣка и въ наши дни обнаруживается не менѣе болѣзненный интересъ къ старинѣ, какъ ближайшей, такъ и болѣе отдаленной. Такъ, во Франціи на нашихъ глазахъ воскресала наполеоновская легенда. Въ искусствѣ и литературѣ рѣзко обозначился повышенный интересъ ко всякой старинѣ вообще,—къ эпохѣ возрожденія въ частности.—У насъ, въ тѣсномъ кружкѣ религиозныхъ мыслителей и поэтовъ, возникла идея «неохристіанства», и слышались старинные голоса, словно эхо давно умолкшихъ проповѣдей начала нашей эры или глухой отзвукъ византійскихъ споровъ. Мы слышали и читали мистическія разсужденія на богословскія и эсхатологическія темы. Типичные русскіе интеллигенты, искушенные въ спорахъ обо всемъ, de omni re scilicet вообще и о задачахъ интеллигенціи, о народничествѣ и марксизмѣ въ частности, вдругъ взяли и заговорили—какъ богословы и пророки.

Пока дѣло ограничивается философскими и литературными упражненіями, такая реставрація или имитація старины остается на поверхности жизни, не пуская корней въ ея глубь. Но есть другія, гораздо болѣе серьезныя, переживанія прошлаго, есть иныя—очень живучія—наслѣдія протекшихъ вѣковъ. Я имѣю въ виду то, что можно назвать «психологическою религиозностью» современнаго человѣка, съ ея нерѣдкими спутниками или, лучше сказать, разновидностями—*фанатизмомъ* и *утопизмомъ*.

4.

Тысячелѣтія религіознаго воспитанія прошли не даромъ для человѣчества.—Въ глубокой древности, которую мы условно называемъ эпохою «первобытной культуры», люди во всякой вещи, будь это пень или камень, подозрѣвали присутствіе чего-то такого, что они называли «божественнымъ», что имѣетъ свою *свободную*, то благую (для людей), то злую *волю*, которой люди противопоставляли свою—такую же свободную—волю. Такое понятіе и это противопоставленіе одной воли другой и было началомъ *религіознаго* отношенія человѣка ко всему на свѣтѣ.

Если задаться цѣлью перечислить все, что въ разныя времена люди обоготворяли, къ чему они относились религіозно, то пришлось бы исписать не одну страницу. Сфера обоготворяемаго не ограничивалась реальными вещами; въ нее входили и вещи воображаемыя, и обобщенія вещей, какъ реальныхъ, такъ и воображаемыхъ...

Такъ, въ атмосферѣ на все откликающейся религіозности проходили вѣка культурнаго развитія и умственнаго прогресса. Одни боги смѣняли другихъ; отъ поклоненія видимымъ вещамъ люди переходили къ поклоненію невидимымъ; обоготворенные факты уступали свое мѣсто обоготворенному обобщенію фактовъ. Человѣчество переходило отъ религіозности наивной, такъ сказать, автоматичной, въ силу которой люди безъ дальнихъ разговоровъ обоготворяютъ то, что есть, что дано, къ другой, болѣе интенсивной и болѣе сложной, религіозности, которая ищетъ объектовъ, достойныхъ обоготворенія, которая отъ того, что есть, что дано, переходитъ къ тому, чего нѣтъ, что не дано. Еще шагъ дальше,—и предметомъ религіознаго отношенія станетъ желаемое, предметъ надеждъ, идеаль.

Религіозная форма мысли и религіозное чувство въ теченіе долгихъ вѣковъ, пережитыхъ историческимъ человѣчествомъ, изощрялись, переходя отъ одного культа къ другому, постоянно ища новыхъ точекъ приложенія. Религіозность есть, если можно такъ выразиться, психическій органъ, который въ бездѣйствіи, когда прерывается нить религіозныхъ исканій, атрофируется

и, наоборотъ, развивается въ упражненіи, въ новыхъ поискахъ. На этой почвѣ вѣками установился особый человѣческій типъ, характеризующійся стремленіемъ обладать «истиной»,—мы его назовемъ *homo religiosus*,—типомъ *религіозно-психологическимъ*. Его представителей не ищите среди тѣхъ, которые вѣруютъ не мудрствуя и пріемлютъ религію предковъ, ничто же вопреки глаголя. Конечно, они найдутся и тамъ, но прійдется долго искать. Чтобы сразу найти ихъ, идите туда, гдѣ люди ищутъ, въ какого бога увѣровать,—туда, гдѣ вѣруютъ мудрствуя, гдѣ сперва вопреки глаголютъ, а потомъ ужъ пріемлютъ. Ищите психологически-религіознаго человѣка преимущественно среди еретиковъ, сектантовъ, идеалистовъ, атеистовъ, революціонеровъ, утопистовъ...

Психологическая религіозность, такъ понимаемая, есть особый, явно архаическаго типа, укладъ духа, отличающійся тѣмъ, что мнѣнія или убѣжденія человѣка превращаются въ догматы, что эти догматы овладѣвають сознаниемъ, поработаютъ волю и объединяють всѣ душевные элементы въ стройное цѣлое; другое отличіе типа, это—убыль критической силы мысли и *потеря внутренней свободы*, взаменъ чего человѣкъ пріобрѣтаетъ спасительную иллюзію якобы полной свободы воли.

Этотъ типъ—*homo religiosus*—разнообразится до безконечности, и есть множество разновидностей его. Во-первыхъ, онъ мѣняется отъ человѣка къ человѣку со стороны яркости выраженія или прочности его основныхъ чертъ. Во-вторыхъ, онъ всегда своеобразно преломляется въ психической средѣ, въ индивидуальной душѣ, всегда исполненной всякихъ противорѣчій и способной совмѣщать несовмѣстимое. Психика современнаго культурнаго человѣка слишкомъ сложна, чтобы воплощать религіозно-психологическій типъ во всей его полнотѣ и цѣльности, какъ воплощался онъ въ старину.—Далѣе, можно указать на такія разновидности типа, какъ 1) религіозность пассивная, созерцательная, и 2) религіозность активная, волевая, съ ихъ различными видоизмѣненіями и помѣсями.

Но насъ интересуетъ здѣсь другая форма, представляющаяся наиболѣе архаическою. Это—та, которая отмѣчена признаками *психологическаго утопизма*.

Во избѣжаніе недоразумѣній, нужно оговориться, что я различаю понятіе психическаго утопизма отъ понятія утопіи,—примѣрно такъ, какъ различаю психологическую религіозность

отъ положительной религіи. Съ моей точки зрѣнія, иной человѣкъ, искренно и глубоко вѣрующій и сознательно исполняющій обряды своей религіи, можетъ оказаться вовсе не принадлежащимъ къ психологически-религіозному типу. И наоборотъ, иной невѣрующій, атеистъ или матеріалистъ, оказывается натурою психологически-религіозною. Такъ и въ области утопизма. Весьма вѣроятно, что иные изъ сочинителей „утопій“, отъ Платона до Уэльса, не были представителями психологическаго утопизма. И наоборотъ: есть несомнѣнные психологическіе утописты, которымъ чужды идеи, обычно называемыя утопическими. Современный западно-европейскій социаль-демократическій социализмъ—не утопія и справедливо противопоставляется такъ называемому утопическому социализму, но были и есть социаль-демократы, проявляющіе въ своемъ мышленіи и дѣйствованіи несомнѣнные признаки психологическаго утопизма. Сіонизмъ представляется утопіей, но есть убѣжденные сіонисты, у которыхъ вы не найдете и слѣда утопизма.

Къ психологическому утопизму, большею частью совмѣщающемуся съ положительною утопіею, иногда же обходящемуся и безъ нея, я отношу слѣдующія явленія: 1) всякаго рода сектантство, силою религіознаго возбужденія и фанатизма осуществляющее *въ настоящемъ* (хотя бы и не всецѣло) идеаль, противорѣчащій законмѣрному историческому ходу вещей (первыя христіанскія общины, анабаптисты XVI-го вѣка, пуритане, нѣкоторыя нынѣшнія секты въ Америкѣ и у насъ, и т. д.); 2) секты, партіи, ученія, ничего не осуществившія, но проповѣдующія идеалы, которые—въ существенномъ—противорѣчатъ законмѣрной эволюціи человѣчества (наши старыя славянофилы, народничество разныхъ оттѣнковъ, во многомъ далеко не во всемъ) ученіе Л. Н. Толстого и др.); 3) умонастроенія, характеризующіяся несбыточными ожиданіями, иногда являющимися видъ чего-то возможнаго, иногда совершенно фантастическими (напр., ожиданіе втораго пришествія Христа у первыхъ христіанъ и періодически въ средніе вѣка, вѣра въ пришествіе Антихриста у нашихъ раскольниковъ при Петрѣ В., надежды на „соціальный переворотъ“ въ Россіи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ у нашихъ пропагандистовъ 70-хъ годовъ, упованія на всеобщую „соціальную революцію“ у многихъ социалистовъ въ Зап. Европѣ и у насъ, и т. д.)

Изъ этихъ примѣровъ читатель ясно видитъ, о чемъ идетъ рѣчь. Всѣ указаннныя явленія и имъ подобныя объединяются въ одну группу общими имъ чертами явно-архаическаго характера, указывающими на очень древнее и несомнѣнно-религіозное происхожденіе психологіи этихъ явленій.

Сектантъ, славянофилъ, толстовецъ, революціонеръ-утопистъ,—всѣ они считаютъ себя обладателями безусловной „истины“ и дѣлятъ человѣчество на двѣ части: признающую эту истину и не признающую,—на „правовѣрныхъ“ и „еретиковъ“. Понятіе прогресса они замѣняютъ понятіемъ спасенія рода человѣческаго, которое воспослѣдуетъ силою обращенія „невѣрныхъ“ на путь истины. Нѣкогда господствовавшая вѣра въ магическую силу слова еще чувствуется и нынѣ въ широко-распространенномъ предразсудкѣ, будто можно обновить міръ силою пропаганды идей. Это—черта въ высокой степени архаическая. Столь же архаично и почти мистическое понятіе о государственной власти, какъ о какомъ-то волшебномъ рулѣ, овладѣвъ которымъ можно повернуть въ ту или другую сторону жизнь миллионовъ. Этотъ отголосокъ первобытной древности, это переживаніе архаическаго міра, населявшаго міръ существами, одаренными волею, и приписывавшаго самой человѣческой волѣ сверхчеловѣческую силу, пронеслось, не умирая, черезъ всю исторію человѣчества и, очевидно, умереть еще очень не скоро, питаясь иллюзіей свободы воли, глубоко укорененною въ нашемъ сознаніи.

(Въ ряду идей или воззрѣній, которыя я называю утопическими, найдутся и такія, которыя, по существу своему, не заключаютъ въ себѣ ничего невозможнаго, ничего неосуществимаго. И самые трезвые умы иной разъ поддаются соблазну—принять такую идею. Сюда относятся, напр., наши славянофильскія, народническія и социалистическія упованія на великолѣпное будущее русской крестьянской общины. *Въ идеѣ* это будущее вполне осуществимо. Но бѣда въ томъ, что оно не согласуется съ объективнымъ ходомъ вещей, что община есть явленіе прошлаго, а не будущаго.—Другой примѣръ. Буржуазные экономисты и идеологи капитализма увѣрены въ томъ, что основы капиталистическаго строя есть послѣднее слово экономическаго развитія человѣчества и останутся нерушимыми навсегда. *Въ идеѣ* это можно представить себѣ, но это явная утопія, ибо объективный ходъ вещей ясно обна-

руживаетъ непрочность капиталистическаго строя и государственности, на немъ основанной, ихъ быструю измѣняемость и то направленіе, въ какомъ они измѣняются. Непредубѣжденный наблюдатель не можетъ не видѣть, что развитіе идетъ въ направленіи соціализаціи производительныхъ силъ культуры, и что, соотвѣтственно этому, современная западно-европейская государственность постепенно демократизируется. Это—не вопросъ «вѣры» въ будущее (оно же и не Богъ, чтобы въ него вѣрить или не вѣрить) и не идеологіи, всегда болѣе или менѣе субъективной, это—объективная «логика» фактовъ, это—процессъ экономической эволюціи, ни отъ какой идеологіи и ни отъ ни чьей воли независящій. Борьба классовъ—только симптомъ этой эволюціи. И все равно, каковъ бы ни былъ исходъ этой борьбы,—развитіе культуры будетъ идти дальше, все въ томъ же направленіи—силою вещей, «логикою» всеобщихъ интересовъ, настоятельностью назрѣвающихъ потребностей, накопленіемъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ. Всякая попытка дать этому закономѣрному движенію другое направленіе заранѣе обречена на неудачу, и всякая идея, ему противорѣчащая,—утопична, хотя бы гдѣ-нибудь она и могла бы осуществиться или осуществлялась въ прежнее время.—Въ ряду наиболѣе утопическихъ идей есть и такія, которыя имѣютъ многовѣковую давность, оправдывающую ихъ въ глазахъ ихъ адептовъ. Съ точки зрѣнія, здѣсь проводимой, давность представляется скорѣе поводомъ заподозрить такую идею въ утопичности. Архаизмъ идеи и есть то, что дѣлаетъ ее утопическою, хотя бы она и могла быть проведена въ жизнь. Есть несомнѣнныя утопіи, которыя, однако, осуществлялись, но только всегда въ тѣсномъ кругу; никогда не оказывали онѣ вліянія на общій ходъ вещей и не являлись выраженіемъ закономѣрнаго развитія культуры и мысли. Были (и есть) религіозныя секты, которыя осуществляли у себя, въ своей тѣсной средѣ, идеаль общности имуществъ и даже женъ; мормоны возстановили многоженство. Отъ этихъ опытовъ вѣтъ чѣмъ-то въ высокой степени архаическимъ; всѣ они, не исключая наиболѣе симпатичныхъ сектъ, стоятъ въ сторонѣ отъ большой дороги прогресса. Одно ужъ отгораживаніе себя отъ остальнаго міра есть черта одинаково и архаическая и утопическая.

Не умножая примѣровъ, подведемъ вышесказанному общій итогъ въ слѣдующей общей формулѣ:

Архаично и утопично все, что противорѣчитъ поступательному движенію человѣчества, развивающагося въ направленіи къ всемірному единенію на почвѣ общности экономическихъ связей, жизненныхъ интересовъ и культурныхъ задачъ. Въ области мысли архаичны и утопичны тѣ приемы, которые идутъ въ разрѣзъ съ развитіемъ раціональнаго и критическаго мышленія и превращаютъ мнѣнія и убѣжденія въ «абсолютныя истины» и догматы. Въ воспріятіи прошлаго архаична и утопична всякая идеализація отжившихъ формъ и всякая попытка ихъ реставраціи, хотя бы только въ идеѣ. Наконецъ, въ воспріятіи будущаго архаично и утопично религіозное отношеніе къ нему, замѣна научнаго прогноза «вѣроу» въ будущее, мечтательное ожиданіе и фанатическое отношеніе къ идеалу, хотя бы и вполне раціональному.

Религіозное отношеніе къ идеямъ, фанатизмъ и склонность къ утопизму существуютъ вездѣ, но въ передовыхъ странахъ они замѣтно идутъ на убыль. Вѣковые навыки, вырожденные новой культурою и воспитаніемъ въ духѣ раціональнаго, критическаго мышленія, въ извѣстной мѣрѣ подтачиваютъ психологическую религіозность, являясь психическимъ тормозомъ въ отношеніи къ ней.—На западѣ (въ особенности въ Англіи и Сѣверной Америкѣ) положительная религія укоренена въ умахъ гораздо прочнѣе, чѣмъ психологическая религіозность. Напротивъ, въ странахъ отсталыхъ психологическая религіозность беретъ перевѣсъ надъ положительной религіей, захватывая въ свою сферу все, что приносятъ смѣняющія другъ друга умственные теченія.

Два-три воспоминанія будутъ здѣсь нелишними.

Когда, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, у насъ распространялись идеи матеріализма и позитивизма, тогда у многихъ онѣ моментально превращались въ какую-то новую религію. Молешотъ и Бюхнеръ были ея апостолами. Классификація наукъ Ог. Конта была какъ бы догматомъ...

Когда—въ 70-хъ годахъ—экономическое ученіе Карла Маркса стало овладѣвать умами, то оно овладѣвало ими на подобіе нѣкоего откровенія и было воспринято *народнически и утопически*. И былъ, кажется, въ рядахъ передовой интеллигенціи только одинъ человѣкъ, понимавшій коренное прин-

ципальное противорѣчіе между марксизмомъ съ одной стороны и народничествомъ и утопіей съ другой. Читатель догадывается, что я говорю о Н. И. Зиберѣ, которому принадлежит столь видное мѣсто въ нашей экономической литературѣ и котораго по праву можно назвать основателемъ школы русскаго марксизма.

Въ 90-хъ годахъ «неомарксисты» съ Г. В. Плехановымъ во главѣ занялись, между прочимъ, труднымъ дѣломъ очищенія по-нашему, по-русски понятаго Маркса отъ народническихъ толкованій и утопическихъ примѣсей. Нельзя было не привѣтствовать (за вычетомъ рѣзкостей въ полемикѣ) этого почина, который, несомнѣнно, былъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ установленія у насъ критическихъ и рациональных приѣмовъ мышленія въ вопросахъ, обычно вызывающихъ въ русскомъ интеллигентѣ настроеніе, похожее на религіозную эмоцію. Къ сожалѣнію, эта эмоція не замедлила появиться въ средѣ самихъ марксистовъ, и многіе изъ нихъ моментально превратили теорію «экономическаго матеріализма», очень удобную, какъ методъ изслѣдованія, въ непререкаемый догматъ. А практическая дѣятельность, для которой марксизмъ является идеологіей, вылилась все въ ту же «сектантскую» форму съ фантастическими ожиданіями и утопическимъ настроеніемъ, какую въ большинствѣ случаевъ принимали у насъ революціонныя партіи. Въ ряду основателей и лидеров русскаго марксизма были лица съ рѣзко-выраженной психологической религіозностью; они замѣтно содѣйствовали тому, что нашъ марксизмъ превратился такъ скоро въ «вѣроученіе». Но это «вѣроученіе», ими же созданное, оказалось для нихъ слишкомъ грубымъ, — они стали искать другой, болѣе возвышенной религіи и скоро обрѣли ее въ идеализмѣ, метафизикѣ, даже въ мистикѣ.

Увлеченіе—въ дни свободы—идеей «диктатуры пролетариата» (въ г. Санктъ-Петербургѣ!) было однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій живучести тѣхъ психологическихъ переживаній, въ силу которыхъ любая идея, по содержанію своему не имѣющая никакого отношенія къ религіи, воспринимается религіозно и превращается въ утопію.

У насъ, въ Россіи, такія переживанія особливо живучи, и ими-то и обуславливается тотъ идеологическій пошибъ мысли, которымъ отличается наша интеллигенція. Ея психологическая религіозность есть фактъ, давно уже отмѣченный — какъ

ея великое преимущество. Съ моей точки зрѣнія, это—вовсе не преимущество, а только необходимое до поры до времени орудіе самосохраненія, которымъ интеллигенція обороняется отъ унынія, отъ одиночества, отъ страха, отъ распада въ пустынь всероссійской некультурности...

Тутъ невольно вспоминается многое... Нѣкогда, въ глубокой древности, племена человѣческія, разсѣянные на огромныхъ пространствахъ, среди дикой природы, небольшими, но тѣсно-сплоченными группами, спасались отъ ужасовъ, реальныхъ и фантастическихъ, силою религіозныхъ настроеній и эмоцій, очарованіемъ утопическихъ надеждъ и стремленій... Вспоминаются древніе евреи, спасавшіеся отъ страховъ пустыни утопией земли обѣтованной. Вспоминается и средне-вѣковое еврейство, замкнутое въ душныхъ гетто, окруженное со всѣхъ сторонъ враждебною стихіей и выжившее силою не только положительной религіи, но еще больше силою психологической религіозности и утопическихъ упованій на обѣтованнаго Мессію...

Психологическая религіозность интеллигенціи есть явленіе того же порядка, повторявшееся вездѣ, гдѣ интеллигенція была обособлена отъ остальной массы и поставлена въ такое положеніе, при которомъ она не могла развиваться свободно и правильно, развертывая свои силы и прилагая ихъ къ дѣлу. И тутъ своего рода блужданіе въ пустынь и своего рода искусственная скученность, безпріютность въ нелюдимомъ просторѣ, тѣснота и духота кружковъ и «подполья»...

Съ развитіемъ культуры, съ подъемомъ благосостоянія и просвѣщенія массъ, съ успѣхами свободы, интеллигенція, силою вещей, перестаетъ быть столь одинокою и безпріютною; она встрѣчаетъ въ широкихъ кругахъ населенія спросъ на свой трудъ и сочувствіе одушевляющимъ ее идеямъ. Возникаютъ посредствующіе слои между интеллигенціей и массой. Происходитъ разслоеніе самой интеллигенціи. Все это—условія, способствующія переходу отъ психологической религіозности къ другому, ей противоположному, укладу психики.

Въ передовыхъ странахъ Европы этотъ переходъ уже совершился. Не трудно предвидѣть, что дальнѣйшее развитіе поидетъ тамъ въ томъ же направленіи—все большей убыли психологической религіозности. Возможно, что она никогда не исчезнетъ; но она будетъ сведена къ минимуму и сой-

детъ со сцены—какъ форма воспріятія идеала и какъ дѣйствующая сила прогресса. Уже теперь утопія отступаетъ передъ критическою мыслью и научнымъ прогнозомъ будущаго, основаннымъ на изученіи прошлаго. На мѣсто субъективной вѣры въ будущее выдвигается объективное познаніе путей прогрессивной эволюціи. Научная постановка и разработка великой проблемы человѣческаго развитія дадутъ прямой отвѣтъ на многіе «проклятые вопросы» жизни. Техника будущаго (не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть ея огромные успѣхи) въ высокой степени облегчитъ трудности жизни и борьбу за существованіе.

6.

Становясь цивилизованнѣе, человѣчество становится человѣчнѣе. Въ этомъ смыслѣ за истекшее столѣтіе сдѣланы значительные успѣхи. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что это движеніе остановится или приметъ другое направленіе. Путь развитія обозначился съ достаточною ясностью: передовое человѣчество идетъ къ побѣдѣ не только надъ природою, но и надъ своею собственною культурою. Путь ясенъ, но ясны также и тѣ трудности и препятствія, какія предстоятъ человѣчеству на этомъ пути. Они сводятся, главнымъ образомъ, къ печальному наслѣдію былого варварства и дикости. Въ учрежденіяхъ, въ нравахъ, въ психологіи современнаго человѣка есть еще много варварскаго и звѣрскаго, не мало привычекъ старой некультурности, лѣни, темноты. Къ нимъ присоединяются и благопріобрѣтенные изъяны, порожденные дефектами новой цивилизаціи. Въ ряду этихъ благопріобрѣтенныхъ тормозовъ прогресса одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ неврастенію и алкоголизму. Противъ этихъ язвъ современной цивилизаціи безсильна самая яркая психологическая религіозность и самая лучшая изъ утопій... Неврастенія, различные психозы, алкоголизмъ, все это—зло не столько настоящаго времени, сколько будущаго: ихъ результаты скажутся въ грядущихъ поколѣніяхъ. Борьба съ ними есть, поэтому, одинъ изъ тѣхъ процессовъ, которыми уготовляется будущее.

Благоустройство городовъ, улучшеніе жилищъ рабочаго

класса, общественная гигиена оставляют еще желать многого. Но если сравнить теперешнія условія жизни въ большихъ городахъ и даже въ маленькихъ городкахъ и деревняхъ передовыхъ странъ Европы (въ особенности въ Германіи) съ тѣмъ, что было въ началѣ XIX-го вѣка, то придется признать фактъ огромнаго прогресса. Это значить, что за послѣднія сто лѣтъ люди стали лучше, цивилизованнѣе, прозорливѣе, умнѣе, что они думаютъ не только о себѣ и о настоящемъ, но и о своихъ дѣтяхъ и о будущемъ. Всѣ улучшенія въ области *матеріальной культуры*, это—работа для будущаго, и эта работа важнѣе всѣхъ утопій, вмѣстѣ взятыхъ.

Подъемъ матеріальной культуры это—первая, насущная потребность прогресса, это для него—*conditio sine qua non*. И—въ цивилизованной части человѣчества—это условіе уже осуществляется. Поскольку оно осуществляется, постольку уже наступаетъ и будущее, и ясно очерчиваются его ближайшіе горизонты. И нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, прежде всего, трехъ обозначившихся цѣлей, къ которымъ идетъ совершающееся развитіе: 1) *упраздненіе войнъ* (по крайней мѣрѣ, между цивилизованными народами); 2) *упраздненіе внутренней войны, т. е. борьбы классовъ*—черезъ рядъ смягченныхъ формъ классоваго антагонизма; движеніе въ этомъ направленіи намѣтилось уже съ достаточною ясностью; въ передовыхъ странахъ Европы уже невозможно возвращеніе къ старымъ формамъ классовой борьбы, къ бунтамъ, заговорамъ, гражданскимъ войнамъ; 3) *превращеніе государственности изъ формы военныхъ и національныхъ державъ съ ихъ національнымъ эгоизмомъ въ форму экономической и культурной организаціи власти въ каждой странѣ, при всемірной солидарности матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ*. Всюду совершающаяся нынѣ демократизація государства и культуры показываетъ, что въ этомъ именно направленіи и идетъ прогрессирующее человѣчество. Войны, къ сожалѣнію, еще будутъ, и много милльардовъ будетъ потрачено на вооруженіе, но каждый шагъ впередъ въ направленіи демократизма является симптомомъ приближающагося конца варварства въ человѣчествѣ. Вспомнимъ: не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ возможны были эпическія войны и римскія утопіи Наполеона. За эти сто лѣтъ человѣчество ушло такъ далеко, что подобный кровавый эпосъ уже невозможенъ...

Человѣчество хочетъ жить по-человѣчески. Въ этомъ стремленіи роль движущей силы, безспорно, принадлежитъ *усложненію и повышенію потребностей*, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, при чемъ онѣ приобрѣтають ту степень интенсивности, которая дѣлаеть ихъ удовлетвореніе *неотложнымъ*. А удовлетворить имъ можетъ *только государство* (въ обширномъ смыслѣ, включая сюда и органы мѣстнаго самоуправленія). Оттуда—ускоренный ходъ эволюціи государства, переходящаго отъ стараго типа къ новому,—къ типу государства, могущаго обезпечивать всѣмъ безъ исключенія гражданамъ пользование полнотою культурныхъ благъ, въ данное время имѣющихся въ инвентарѣ всемірной цивилизаціи.

Таковы видимые горизонты будущаго. «Вѣрить» въ нихъ нѣтъ надобности тому, кто ихъ видитъ. Незачѣмъ ему также идеализировать ихъ, воображая, что это будетъ рай земной... Обладаніе полнотою культурныхъ благъ и свободы влечетъ за собою великую отвѣтственность и суровыя обязательства—созидать новыя культурныя блага и пользоваться свободою не для свободы, а для высшаго умственнаго и нравственнаго творчества, которое въ будущемъ, безспорно, будетъ и отвѣтственнымъ, и труднѣе, чѣмъ когда-либо...

Ближайшіе горизонты будущаго, уже видные цивилизованному и прогрессирующему человѣчеству, еще не видны у насъ, въ Россіи,—и потому они и являются у насъ предметомъ вѣры.

Наши ближайшіе горизонты опредѣляются отвѣтомъ на вопросъ: находимся ли мы уже на пути прогрессивнаго развитія (что въ Зап. Европѣ—фактъ несомнѣнный, фактъ совершившійся), или же только собираемся вступить на этотъ путь и—пока что—топчемся на одномъ мѣстѣ и—вырождаемся?

«Въ Россію можно только вѣрить», сказалъ Тютчевъ... Мы думаемъ однако, что и у насъ возможенъ раціональный прогнозъ. Основаніемъ прогноза является тотъ несомнѣнный фактъ, что наше прошлое—въ самомъ дѣлѣ прошлое, которое вернуться не можетъ. Настоящаго у насъ ни въ какомъ смыслѣ нѣтъ: все въ броженіи, въ процессѣ разложенія, въ попыткахъ созиданія. Если что-либо есть у насъ, то это—только будущее. Со временъ Петра В. мы вошли въ семью

европейскихъ народовъ. Ихъ будущее—наше будущее. Но въслѣдствіе нашей отсталости намъ долго еще суждено пробавляться вѣрой, надеждой и утопіей,—пока наконецъ мы почувствуемъ подъ ногами твердую почву несомнѣннаго и ускореннаго прогресса, и горизонты будущаго выступятъ въ туманѣ, застилающемъ нашъ путь...